

Рехтина Лилия Сергеевна

СОЦИОЛОГ

Соколов Николай Викторович

доцент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

г. Санкт-Петербург

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ПЕЧАТАЮЩЕГО: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Аннотация: современный этап институционализации науки привел к тому, что фокус деятельности сместился с исследовательской деятельности на производство текстов. Молодой ученый подтверждает свою состоятельность посредством публикаций и квалификационных работ разного уровня. Текст становится приоритетом, мерой и мерилом деятельности, оправданием и обоснованием стигматизации в науке.

Ключевые слова: социология, молодежь, наука, ученый, молодой ученый, профессиональная социализация.

В научном сообществе подготовку текста диссертации можно интерпретировать, как один из институционализированных обрядов инициации. Но что такое диссертация? Диссертация это исследовательский текст, а исследование это поиск. Для ученого, в классическом понимании приоритетом должен быть поиск истины. Для современного ученого приоритетом становится текст.

Возникновение науки было связано с развитием экономической состоятельности общества, когда в терминах теории Маслоу, были удовлетворены потребности первых, базовых уровней [9]. Благодаря переходу от собирательства к производящему хозяйству, получилось накопить достаточное количество ресурсов, чтобы появились люди свободные от непосредственного решения задач выживания, у которых было свободное время наблюдать и осмысливать окружающий мир, таким образом, появлялись и постепенно накапливались знания о мире [10]. Ретрансляция и сохранение знаний имело преимущественно устный характер

[См. напр., 2, с. 84]. Создание, сохранение, а тем более тиражирование текста оставалось сложной, дорогостоящей и затратной задачей. Современная наука, напротив, имеет текстовый характер: для того чтобы ретранслировать и развивать знания, навыки и данные, и даже для того чтобы верифицировать их необходимо постоянное производство и потребление текстов. Интересно, что и о допечатной науке современная наука судит по сохранившимся текстам и упоминаниям, задним числом реконструируя реальность по остаткам дошедших до нас артефактов. Общество развивается – появляются технологии, технологии развиваются – меняют общество. Так появление технологического решения позволяющего многократно тиражировать текст, изменило не только характер научной деятельности, которая постепенно стала уходить от схоластики. Оно изменило общество, изменило человека и даже пространство. Маршал Маклюэн в своем труде Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего, определил это так: «изобретение есть перевод одного типа пространства в другое» [6]. Изменение социальных пространств коснулось и научного поля, дав неисчерпаемые преимущества процессу производства знания. Обратная сторона этого явления заключается в том, что научный процесс превратился в производство. Научно-техническая революция внесла новые изменения, и текстовый характер науки постепенно сменяется гипертекстовым. Однако в основе, так или иначе остается текст, и даже закрепляется, как ведущая основа научной деятельности. Борьба за владение средствами производства, сменилась победой средств производства, которые становятся более ценными, чем люди, производящие, и оперирующие ими. Вслед за Бруно Латуром, нам придется признать, что такой социальный объект как научный (или признанный таковым объект) обладает собственной волей и способен проявлять, транслировать и распространять в социальной среде собственную волю [5]. В научном поле текст обладает всеми признаками жизненного цикла – рождение, активный период и смерть. Как бы фантастически это не звучало, но есть даже тексты пожирающие другие тексты. В современной науке есть все признаки того, что тексты становятся более значимы, чем ученые, по крайней мере, это можно утверждать в отношении молодых ученых. Подобное

утверждение основано на данных собранных в ходе исследования, посвященного формированию научного потенциала (интервью и анализ интернет контента).

Проблема производства научных текстов становится одной из ведущих. По данным исследования она находит два преломления: текст – как инициация в науку и текст, как повод для социальной эксклюзии. И так с одной стороны текст открывает путь в науку: «Основной формальный признак признания квалификации [ученого] – публикация материалов исследований в авторитетных научных изданиях» [12]. Ученый общается с научным сообществом посредством текста. Из текстов он получает информацию, данные и знания, через текст он сообщает о своей работе, открытиях, достижениях – «что не написано, того не существует» в мире науки. Более того даже области, которые казалось бы свободны от текста – выражаются через текст. Мировое научное сообщество общается посредством текстов и тем выше авторитет ученого, чем больше его тексты известны и популярны [13]. Существуют даже специальные единицы количественной оценки продуктивности ученого – h-индекс или индекс Хирша, своеобразные «лайки» от науки [1]. Современный ученый – одномерный человек [8] в галактике Гуттенберга [6]. Статус мыслителя, гениального изобретателя низвергнут до уровня публициста, пусть гениального, но публициста, которого читают, понимают и воспринимают, только в узком кругу посвященных – научном сообществе.

С другой стороны текст может выступать поводом для недоверия или стигматизации претендента. Текст обязателен для самореализации и презентации себя перед так называемым «невидимым колледжем». Но главные тексты стали причиной для формальной стигматизации и способом эксплуатации молодого ученого. Так по данным интервью и фокус-групповых дискуссий молодые ученые и даже уже состоявшиеся по формальным признакам ученые, сталкиваются с целым набором проблем связанными с публикационной активностью. Сокращения по должности из-за недостаточного числа публикаций уровня Scopus, за последние три года с сокращением уровня оплаты труда (упомянем только, что

даже в ведущих вузах зарплата специалиста, кандидата наук, падает ниже прожиточного минимума). Ограничения по карьерному развитию, прежде всего, потому что в требования к вакансии устанавливают число публикаций определенного уровня. Сразу оговоримся, что это требование выглядит адекватно, но таким образом происходит отсев молодых специалистов, замыкание научно-преподавательской среды на маститых специалистах, но даже самый светлый ум состоявшегося ученого не спасет отрасль от стагнации. В дополнение к этому добавляется отраслевая, тематическая и языковая специфика журналов, особенно журналов с высокими показателями, а ведь именно они интересны с точки зрения формальных требований. Так, если ученый гуманитарий, работает в качественной методологии и пишет про узкорегиональные проблемы, у него очень мало шансов на то, чтобы его статью сочли интересной для публикации, топовые международные журналы: «Учёным хорошо знакомо выражение «публикуйся или умри». Они обязаны публиковать статьи в рецензируемых журналах как можно чаще, чтобы подниматься по карьерной лестнице, сохранять рабочее место и обеспечивать финансирование своих институтов» [11]. Так же был один случай стигматизации из-за большого числа публикаций. У одного из информантов отказались принимать документы в отделе аспирантуре, из-за того что у него было десять ВАКовских публикаций. Отказ был аргументирован тем, что так не бывает и пока аспирант не предъявил печатные экземпляры журналов с ним отказались продолжать процедуру приема документов. Действительно ли публикации, а тем более их число могут характеризовать квалификацию ученого, показывают его потенциал или его пригодность по отношению к функциям, вакантной должности, или его морально-деловые качества? С точки зрения сложившейся институциональной практики – несомненно могут. Ситуация усугубляется тем, что мало опубликовать свою статью, она должна быть опубликована в признанных журналах, с высоким импакт-фактором, признанными у признанных ведущими библиометрических научных баз. Для того чтобы журнал с высоким импакт-фактором принял статью к публикации она должна быть написана либо

по признанной, популярной в отраслевом дискурсе теме, либо признанным ученым. С признанными учеными, вроде бы все просто: 1. В каждом научном поколении есть гении, которые в юном возрасте совершают прорыв в науке. Парадокс в том, что если ученый признан научным сообществом, то он уже не «молодой», в смысле научной карьеры. 2. Молодой ученый всегда может публиковать работы с уже признанным ученым. Так, согласно тому же интервью аспиранта с десятью ВАКовскими публикациями он их все опубликовал в соавторстве с научным руководителем. Научный руководитель их не писал, на вопрос зачем его все время указывать в соавторах информант ответил *«разве ты не знаешь что так принято?»* (М. 26 лет). Во всех этих случаях успеху сопутствует общественное признание у научного сообщества «так принято», «признанный», «популярный». Тут мы возвращаемся к концепции Томаса Куна, о теории научных революций. Согласно ей развитие науки возможно только через постоянную смену устоявшихся научных парадигм, таким образом, прогресс в науке достигается через постоянную диалектическую трансформацию господствующей научной картины мира, а термин «революция» говорит о болезненном характере смены этой парадигмы, для социальных элементов [4]. Молодому ученому надо пройти через все «признанные» устоявшимся научным сообществом этапы инициации, чтобы стать «признанным» ученым, но это признание получено с точки зрения господствующей науки, но действительно ли отвергаемые темы, тексты и ученые настолько бесполезны для научного прогресса. О потенциальной эффективности никто не узнает, ведь даже если есть шанс опубликоваться в журнале с низким импакт-фактором, то шансов быть прочитанным, а тем более понятым почти не остается. Производство научных текстов происходит с такой скоростью, что освоить их все, даже по одному сегменту научной практики или одному автору или по какой-то теме, невозможно. Мы живем в век информации – когда поступающих к нам данных так много, что мы не можем освоить их все [3]. Томас Хьюланд Эриксен вводит понятие «тирании момента» [14]. Для определения ситуации, когда давление постоянно-поступающей информации, а так же мелких сиюминутных задач, которые постоянно запрашивают ее, не дают

возможности реализовать собственный потенциал. Он пишет о том, что за время отпуска, который он взял для подготовки своей книги он не нашел времени чтобы ее написать. Всегда находились дела «на пять минут» – ответить на письмо, написать статью, отзыв, рецензию и т. п. которые нужно было сделать прямо сейчас, а основная задача всегда отодвигалась «на потом». Мы не можем расставить приоритеты таким образом, чтобы, хотя бы на какой-то момент времени составить себе полное представление хотя бы об одном сегменте нашего пространственно-временного континуума, и постоянно вынуждены принимать решения в ситуации полной или частичной неопределенности при избыточности и потенциальной доступности больших объемов информации – тотальная тирания момента в эпоху информации. Единственное решение, которое можно предложить, и которое предлагает, Эриксен, для преодоления тирании – жесткий тайм-менеджмент и понижение статуса дел – хронофагов. Нужно, если не иллиминировать, то хотя бы сокращать затраты времени, а вместе с ним и сил, на задачи, которые поглощают время. Но как быть, если подготовка квартального отчета, выписки, табеля и т. п. на работе, кажется более важной и срочной задачей, чем диссертация, а новая серия одного из десятка любимых сериалов или новый уровень в игре – привлекательнее. Аспирантам, молодым ученым, и как показали интервью, институционально состоявшимся ученым, надо зарабатывать себе на жизнь, мало кто может постоянно жить на иждивении родных и близких, в столь зрелом возрасте. А уровень зарплат в науке может поставить кого-то на грань выживания, а у кого-то велики карьерные притязания, а это сразу ставит работу на первое место, а научный рост на последующее в рейтинге повседневных задач. Нужно устраивать личную жизнь, а отношения и семья требуют времени и внимания. Так в вихре повседневных забот теряются потенциальные ученые.

Классический ученый – праздный субъект, а профессионализация ученых ведет к институциональному закреплению в роли «профессионала», а не ученого. Интеллектуала освобождают от физического труда, для того, чтобы он решал задачи, которые никто другой решить не может, для этого от всех остальных

задач его нужно освободить. Молодого ученого все время что-то отвлекает, он не сможет стать ученым пока он на это отвлекается, он не сможет стать ученым, пока он голодный – ему нужно зарабатывать себе на хлеб. Молодой ученый не сможет стать ученым, пока его постоянно соблазняют маркетинговые приманки – этим всем надо насытиться, понять, что это неинтересно, однообразно. Ученый дорогой проект и чем сильнее общество развивается, в потребительском плане, тем выше стоимость учености. Возможно, сегодняшний кризис науки связан с тем, что общество не может содержать настоящих ученых. И аспирантов «отваживают» от учености. Профессор не может работать на зарплату 30 тысяч рублей в месяц. За такое вознаграждение никто не подготовит настоящий научный труд, да никто и не ждет его. Это отраслевой «гастарбайтер», который предлагает ущербный, фейковый, но дешевый продукт. М.К. Мамардашвили говорил, что точность мышления является нравственным долгом ученого [7]. Тирания момента этот нравственный долг отменяет, когда сериал становится привлекательнее исследования. Точнее сериал потому и привлекательнее исследования, что его потребление может быть не точным и все остальные хронофаги обладают тем же свойством. Они предлагают «спасение» от ответственности, позволяют быть неточными. А предмет деятельности ученого, он абсолютно реален и как только не хватает нужной точности мышления, научный процесс не запускается, его можно имитировать, но он не работает. А в экстенсивном варианте науки не существует. Ученый превращается из исследователя и первооткрывателя в публициста и рерайтера.

Список литературы

1. Болотов В.А. Индекс Хирша в Российском индексе научного цитирования Журнал Вопросы образования / В.А. Болотов, Н.Н. Квелидзе-Кузнецова, В.В. Лаптев, С.А. Морозова. – 2014. – Вып. №1. – С. 241–262.
2. Зайцев А.И. Культурный переворот в древней Греции VIII-V вв. До н.э. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – С. 84.
3. Корнев В.В. Синдром перепроизводства информации в сети // Труд и социальные отношения. – 2009. – С. 54–59.

4. Кун Т. Структура научных революций / Пер. И.З. Налетова. – М.: Прогресс, 1977.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / Пер. И.О. Тюриной. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – 496 с.
7. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992.
8. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526 с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность Перевод А.М. Татлыбаевой Abraham H. Maslow. Motivation and Personality (2nd ed.) – N.Y.: Harper & Row, 1970. – СПб.: Евразия, 1999.
10. Минеев В.В. Введение в историю и философию науки. – 4-е изд, перераб. и доп. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 639 с.
11. Махрум С. Новая утечка мозгов в науке Иносми.ру Россия сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/science/20161106/238145299.html> (дата обращения: 21.05.2017).
12. Саврушева М. Философия науки и техники: Учебное пособие для магистрантов / Автор-составитель М.И. Саврушева. – Омск, 2013. – 120 с.
13. Стриганкова Е.Ю. Сетевые научные сообщества: власть и коммуникация // Вестник Поволжского института управления Выпуск. – 2008. – №4. – С. 201–209.
14. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации // Пер. с норв. – М.: Весь Мир. – 2003. – 208 с.